

Покачиваясь на волнах харизмы

Джеймс Ливайн в Москве

Дж. Ливайн

Джеймс Ливайн никогда не выступал в России. Нынешним летом, правда, предполагался его приезд в Санкт-Петербург на "Звезды белых ночей" вместе с оркестром Метрополитен-опера, но в силу ряда причин это не состоялось. Ныне артистическое агентство Краутерконцерт привезло-таки знаменитого дирижера в Москву, но с другим коллективом — Молодежным оркестром фестиваля в Вербье (Швейцария).

Наша публика узнала и полюбила Джеймса Ливайна в конце 80-х после легендарной трансляции из Метрополитен-опера "Ариадны на Наксосе". Все были покорены тем, как maestro купался в замысловатой музыке Рихарда Штрауса, наслаждаясь ею, как любимым лакомством, а еще тем, как он работал с певцами (особенно с самой Джесси Норман). Позднее, когда появилась возможность познакомиться с записями Ливайна, мы смогли еще раз убедиться, что он прежде всего — дирижер оперный. Симфоническое мышление и умение выстраивать целостную концепцию — не самые сильные его стороны. Ливайн — не архитектор и не мыслитель, но пловец, в свое собственное и слушательское удовольствие покачивающийся на музыкальных волнах и не слишком любящий уходить глубоко под воду. В этом смысле Рихард Штраус — идеально подходящий ему композитор. Именно с постановками в Мет его опер связаны наивысшие достижения maestro. Еще — с Вагнером, хоть и не столь безоговорочно. Можно лишь сожалеть, что в московской программе не было музыки ни одного из двух Рихардов.

Впрочем, предложенная программа вообще показалась странной. Не столько сама по себе, сколько именно для этого дирижера и для этого оркестра. Специалистом по славянской музыке Ливайн никогда не числился. Между тем программа состояла из произведений Дворжака, Прокофьева и примкнувшего к ним Бартока, который хоть и не славянин, но его "Чудесный мандарин" вызывает недвусмысленные ассоциации со Стравинским, равно как и с молодым Прокофьевым. Проблема, однако, оказалась не только в том, насколько эта музыка отвечает индивидуальности дирижера, но и в том, насколько проникся ею и был готов к ней сам оркестр, хоть и включающий в себя около десяти музыкантов из России и еще примерно столько же из других славянских стран, в большинстве своем воспитанный на совсем иной музыке.

Да и сами эти, несомненно, одаренные молодые люди в возрасте от

17 до 29 лет, представляющие 35 стран (включая и никем пока официально не признанную Чечню), похоже, еще не почувствовали себя вполне единым целым. Поэтому говорить о каком-то собственном лице оркестра, о каком-то особом, фирменном звуке не приходится. Сам по себе этот звук нередко казался слишком жестким, даже резким, что вообще характерно для большей части таких вот молодежных оркестров, работающих не на постоянной основе и, соответственно, недостаточно сыгранных (тем более что за три года существования коллектива его состав сменился едва ли не наполовину). Игнали, впрочем, все очень увлеченно и эмоционально, с молодым задором, стараясь компенсировать этим недостающие опыт и мастерство.

По большому счету, безоговорочных удач в программе не было. Явных неудач, впрочем, — тоже. Барток прозвучал несколько тяжеловесно и однообразно. В Пятой симфонии Прокофьева было немало хорошего на уровне отдельных фрагментов. Музыканты старались вовсю, однако прокофьевская моторика и присущая только ему ритмика им явно не давались. Да еще и сам Ливайн то и дело норовил сделать ритм более текучим в духе своего любимого Рихарда Штрауса. Еще более расплывчатым по форме стало исполнение Восьмой симфонии Дворжака, которому вдобавок ощутимо не доставало славянской напевности, придающей этой музыке особый аромат.

Все видимые атрибуты успеха, включая бисы (по одному номеру из "Славянских танцев" Дворжака и "Венгерских танцев" Брамса), были налицо — сказалась магия имени, которая на сей раз во многом подменила магию дирижерской палочки. Немножечко драйва и вольное музицирование, превращающееся в некий самодостаточный процесс, в котором подчас утрачивается перспектива целого, — это все же не совсем то, чего ждешь от встречи с выдающимся дирижером.

Остается надеяться, что maestro приедет к нам вновь, но уже во главе легендарной Метрополитен-опера, которой руководит более тридцати лет и с которой связаны наиболее значительные его достижения. И мы увидим за пультом совсем другого Джеймса Ливайна — харизматика, способного добиваться не только от оркестра, но и еще более от певцов чудодейственных результатов.

Дмитрий МОРОЗОВ
Фото Михаила ЛОГВИНОВА

Кувейт-2003-30 окт-5 нояб.-1.9